

ФИНАЛИСТ ПРЕМИЙ
«БОЛЬШАЯ КНИГА» И «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

КСЕНИЯ
БУКША

АДВЕНТ

РОМАН

18+

Роман поколения

Ксения Букша

Адвент

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Букша К. С.

Адвент / К. С. Букша — «Издательство АСТ», 2021 — (Роман поколения)

Ксения Букша — автор романов «Завод “Свобода”» (премия «Национальный бестселлер») и «Чуров и Чурбанов» (шорт-лист премий «Большая книга» и «Ясная Поляна»), биографии Казимира Малевича, сборника рассказов «Открывается внутрь». В каждой новой книге она стремится по-новому показать реальность. Маленькая Стеша ежедневно открывает по одному окошку адвент-календаря, приближая Рождество. А ее мама и папа, Аня и Костя, перебирают в памяти картинки из прошлого, пытаются понять, что с ними станет в будущем. «Адвент» — роман о том, что людей объединяет музыка и делает разными смех.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Букша К. С., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

1	5
2	15
3	26
4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ксения Букша

Адвент

1

На обшарпанном старинном буфете тикал будильник.

Календарь показывал третье декабря, вторник.

Аня, сидя за столом, печатала в ноутбуке научную статью о свадебной кантате Иоганна Кристофа Баха.

Костя, скрючившись, как обычно, на матрасе, покрывал листы принтерной бумаги ровными иксами и почти бесхвостыми игреками.

Их пятилетняя дочка Стеша пыталась открыть третье окошечко адвент-календаря.

– Пап, дай канцелярский ножик! – попросила Стеша.

Костя, не прекращая писать формулы, протянул руку, взял с полки ножик и подал Стеше. Стеша аккуратно вытащила самый кончик лезвия, провела ножичком по пунктиру, отмечавшему маленькое прямоугольное окошко, пальцем отковырнула картон, и открылась молочная шоколадка в форме птички. Всего их было двадцать четыре штуки, по числу дней Адвента, но оставалось уже только двадцать две... двадцать одна.

Умяв шоколадку, Стеша негромко запела:

– Адвент, Адвент, идёт Адвент,
зажглась *одна* свеча,
Мы ждём тебя, мы ждём тебя,
Прекрасное дитя.

(Овальный поцарапанный стол, покрытый льняной скатертью. Тяжелый старинный буфет. Книжные полки до потолка. Матрас в углу. Маленькая, сухая, чистая и тихая, сумрачная квартирка на втором этаже, окном во двор.)

– Придёт Мария в Вифлеем, – прокашлявшись и прекрасно попадая в ноты, пела Стеша,

—
Дитя родится тут,
И ангелы, и-и ангелы
На небе запоют.

(Часы тикали. Аня вглядывалась, шуря глаза, в ссылки на немецком, польском и русском, которые нужно было правильно проставить, проверить и перепроверить. Эту часть работы Аня не любила.)

– Запляшут ослик и бычок,
Засветится звезда,
Наступит день, наступит ночь...

(нужно было бы спеть «Наступит день, наступит час», но для Стеши ночь была важнее)

...Святого Рождества.

Аня давно заметила, что Стеша, хоть и поёт очень чисто, но вносит в эту песню кое-что своё. В третьей строчке однозначно следовало шагать с соль сразу на ми: «соль-ми, ми-ре, соль-ми, ми-ре» – гармонично и мажорно, как перезвон колоколов. Однако Стеша пела с плавным переходом, растягивая: «соль-фа-ми, ми-ре, соль-фа-ми, ми-ре» – «на-а-ступит день, на-а-ступит ночь», да ещё и «ночь» вместо «час», и получалось чуть грустнее; в радостном и простом чувстве возникал подтекст, тень будущего креста.

Сели за чай. Чай пили за тем же столом, покрытым льняной скатертью. Стеша обычно пила чай с помощью большой ложки: погружала её в чай, при этом над поверхностью медлила, чтобы летучий пар мимолётно замутил её блеск, чтобы ложка мгновенно запотела и снова засияла и чтобы по ней прошли радуги; потом потихоньку опускала ложку в глубину, следя, как разбивается в чашке отражение лампы на потолке и вновь водворяется уже в лужице ложки; и только потом поднимала ложку и осторожно лакала из неё тёплый слабенький чай.

– Может, проветримся? – предложила Аня.

– Хлеба надо купить, – сказал Костя.

Трава на пяточке за изгородью пожухла, лужи на асфальте остекленели и запылились. На сухом морозе стыли кусты и подмёрзшие физалисы. Трое прошли через подворотню на улицу. Стыли розоватые замусоренные скверы; старые дома и ржавые кровли; не выметенный пыльный асфальт; башенные краны на фоне заката в сумерках.

Костя, когда ходил один, двигался быстро, даже стремительно. Невысокий, угловатый, с волосами тонкими и длинными, носом длинным и тонким, лицом острым, как месяц, Костя носил только чёрное – чёрную беретку, чёрное пальто.

Аня выглядела Косте в пару, или тот казался парой к ней. Тоже немного угловатая, но покрепче на вид; с резкими чертами лица – скулы, подбородок, высокий лоб, волосы густые и тёмные, блестящие.

Стеша семенила рядом в своём красном комбинезоне, дыша короткими и мелкими детскими вздохами.

Они шли молча мимо блестящих или ржавых водосточных труб, мимо машин, припаркованных по обочинам, мимо жухлой травы. На ветках в сквере чернела высохшая, вымороженная рябина. Листья в лужах почернели. Песок подёрнулся инеем. Сумерки сгущались.

– Ха-ха-ха! – раздался гулкий хохот в тишине, и тут же отозвался второй голос: – Уахаха-хаха!

Две дамы на углу, одна роскошная, другая спортивная. Собаки тащили их в разные стороны, а хозяйки, захлебываясь смехом, махали руками и наперебой говорили друг другу что-то дико забавное. То одна, то вторая начинала ржать сильнее, это было похоже на дуэт в опере-буффа.

– Завидую, – сказала Аня. – Никогда не умела так ржать. Кажется, даже в детстве так не смеялась.

– Стеша тоже никогда так не смеётся.

– Она по-другому смеётся. Она разулыбается, глазки выпучит и повизгивает, как маленький поросёнок.

Стеше это понравилось, она забежала вперёд и улыбнулась Ане.

– Ты маленький поросёночек, – повторила Аня и тоже улыбнулась.

Костя автоматически отметил, что сам он как бы и улыбается, и не улыбается. И тут же поймал себя на том, что снова, как обычно, осознал, зарегистрировал свои чувства и действия. От этого ему стало неуютно. Костя передёрнул плечами и огляделся.

– Да мы вообще не очень любим смеяться, – продолжала Аня.

– Может, не умеем.

Включили фонари, и сразу наступила ночь. Костя и Аня остановились на перекрёстке, где их маленький переулок впадал в большую улицу, точнее, не то чтобы большую, а так, средних размеров. На домах горели вывески: Дикси, Фантастика, Пекарня, салон цветов Воса-

дули, канцелярский магазин Кнопка. Это всё Стеша могла прочесть и сейчас как раз читала, шевеля губами, про себя. А вот вывеску пункта интернет-доставки Wildberries Стеша прочесть не могла. Она пока не умела читать латиницу.

– Может, тебе поможет, если ты опять будешь что-нибудь собирать? – сказала Аня.

Это был давний диалог, реплики в нём были редкими, раз в несколько дней, но Костя понял.

– Смех? – пожал плечами он.

Раньше Костя всё время что-нибудь коллекционировал: то винные этикетки, то люки (фотографировал, когда ездил на международные конференции), но чаще всего – что-нибудь нематериальное, например, ошибки и описки.

– Анекдоты?

– Нет, сам смех. Вот эти две дамы смеялись, их смех – экспонат коллекции.

– Мне кажется, вокруг нас мало кто смеётся.

– Можно из прошлого всякий смех вспомнить, – сказал Костя уже нехотя. На самом деле ему не хотелось ничего собирать, а про смех он предложил так просто.

– Да какая разница, что. Главное, чтобы ты не думал без конца эти мысли.

– Да я и не без конца, – сказал Костя. – Я только иногда. Ты же тоже говорила, что думаешь про что-то, про что не хочешь думать.

– Не совсем, – возразила Аня. – Я говорила только, что я чувствую, как будто я в тупике. Чувствую, а не думаю.

Дома вокруг тонули в сумерках. В окнах заигался свет.

– Мама, я бы очень хотела вот такую красивую фиолетовую лампочку, как у людей вон в том окне, – сказала Стеша.

Вечером, когда Аня со Стешей уснули, Костя немного поработал, потом встал размять ноги и принялся, по своему обыкновению, ходить по тихой полутёмной квартире туда-сюда. Заглядывал в чёрные окна, трогал корешки книг, прихлёбывал кофе из чашки. Костя любил Аню и Стешу, но ему не хватало одиночества. У них была только одна комната, она же кухня.

Костя остановился у большой пыльной коробки на книжном стеллаже, в которую давным-давно сложил свои школьные и университетские конспекты по матану, линейной алгебре и другим математическим дисциплинам. Поставил коробку на пол и сел рядом. Внутри было много пыли. Костя помнил цвет каждой тетрадки и мог точно сказать, что именно записано в каждой из них. Он нумеровал и конспекты, и страницы; при необходимости – подклеивал к ним дополнительные листы; пользовался ручками разных цветов и системой обозначений.

Костя вынул ярко-голубую клеёнчатую тетрадь, сдул с неё пыль, встряхнул и раскрыл. Десятый класс. Тетрадь раскрылась с тихим треском: когда-то она немного отсырела, а теперь

подсохла. Костя понюхал разворот. Он пах точно так, как всегда пахли его школьные тетради. Всё было исписано почерком Кости- старшекласника: мелким, упругим, уже не детским. Хвосты игреков переламывались пополам, торопливые равенства ещё иногда были похожи на букву «зет» – с годами Костя стал писать их аккуратнее. Этот почерк, впоследствии развитый, усовершенствованный, утверждённый, Костя когда-то позаимствовал не у кого-нибудь, а у учителя математики в интернате.

* * *

Сам учитель никогда не смеялся
он инициировал смех
а это требует серьёзного вида
он тербил свой длинный нос
складывал губы в трубочку
и потом что-нибудь такое изрекал
например, про лужный гуманизм
или ещё что-нибудь такое же
сыржостическое
его фамилия была Сырков
Эс-эс-сыр – Сан Саныч Сырков
ещё про него говорили «сыронией»
одним словом, он был прямо-таки воплощением
не просто остроумия, но такого, до которого ещё дорасти надо
такого остроумия, которое льстит слушателям
не снисходит до них, не спускается
а наоборот – поднимает их до себя
бывают учителя, которые шутят, чтобы
казаться своим парнем
чтобы развлечь класс
не то Сырков
он совершенно не нуждался в том, чтобы
подлизываться к ученикам
успокоить учеников было очень просто —
достаточно было
заставить их решать задачки
сырония и сырказм были только приправами
сыпанул – и пламя смеха слегка поднимается
а потом снова к делу
просто допинг, ничего более

но была у них в классе одна
по-настоящему смешливая девица
её звали Маша
дочка архитектора
она обладала невероятным пространственным воображением
может, наследственным, чёрт знает
Маша предпочитала решать всё, что можно,
геометрически
она всё могла представить в виде сущностей

парящих в пространстве
линий, лилий, россыпей песка
всё могла повернуть и увидеть,
сама этим управляла
в общем, это была удивительная девушка
она и сама была очень красивой в пространстве
Косте очень нравилась Маша
вернее, нет, это было сложнее
Маша нравилась ему как ландшафт
ему нравились разные её части
он любил её уши – совершенной формы,
совершенного цвета
розоватые
Маша носила каре, чёрные тяжелые волосы
сверкающие и чёрные, как шлем Жанны д'Арк
и ухо редко было видно
его можно было сторожить и караулить
вдруг Маша, задумавшись, прилежно заложит за ухо прядь тяжёлых волос
как занавесь отодвинет
и ухо какое-то время пунцовеет на воздухе
Косте нравилось, как Маша щурится
она была близорука
и он любил её медленные карие улыбчивые глаза
потому что Маша часто улыбалась
она была приветливая и необыкновенно
добрая девочка
ко всем она относилась почти ласково

Да, Костя любил в ней всё, и всё издали, и всё по частям
всё любил наблюдать, и мог наблюдать
бесконечно
однажды на физкультуре, в саду, Маше
в кроссовок попал камешек
и Косте довелось увидеть её ступню
и он очень удивился
ведь Маша была девочка очень крупная
высокая, толстая
да, наверное, кто-то сочтёт, что так говорить невежливо
и некрасиво, но чего плохого в том, чтобы быть толстым или худым,
быть толстым – не двойка за внешность,
Маша была толстая,
большая, высокая, крупная, с мощными бёдрами
с большой грудью
и Костя думал, что ступни у Маши такие же – крупные
немного припухшие, с короткими пальцами,
как у малышей, только побольше размером
но оказалось совсем не то
оказалось, что ступни у Маши узенькие
и пальцы на них длинные

как у самого Кости! —
Маша была, оказывается, той же породы
что и он сам, —
от этого открытия Костя совсем потерял голову
он стал смотреть на Машу и видеть её живот
видеть её грудь, он с ума сходил от этого
ландшафта
он хотел бы в нём затеряться, бродить там, в холмах
быть внутри
и вместе с тем ему было немного не по себе
ему казалось, он делает что-то неправильное
он чувствовал
что своим взглядом как будто расчеловечивает Машу

ведь Маша была самым человечным человеком их класса
она всегда (Костя знал) поступает
на максимум этики
на максимум совести,
она умеет быть тихой и ласковой
умеет быть решительной,
потихоньку действовать правильно
или негромко поднять голос за справедливость
она как тяжёлый балансир их класса
балансир устойчивости, их негласный психолог,
человек, благодаря которому они чувствуют себя чем-то целостным
и при этом её роль остается незамеченной
и так оно и должно быть

Костя частенько думал о том
как бы ему сказать Маше о своём чувстве
но тут он справедливо прозревал системную ошибку
нельзя говорить целому человеку
о чувстве к его частям
Костя чувствовал, что если говорить честно
он отделял Машу от её тела, от частей её тела
её природу – от неё самой
он не мог сказать о своём чувстве
а если бы попытался объяснить всё честно
и не добился бы ничего, кроме удивления
лёгкого отчуждения, возможно
Маша, которая могла понять всех людей в классе,
не поняла бы Костю;
и Костя точно об этом знал
его *разъятые на части* чувства были бы
не поняты *целой* Машей
поэтому Костя молчал медлил
продолжал видеть сон о ландшафтах Маши
о долинах её, холмах
поэтому ситуация никак не развивалась

А между тем Маша сама
чуть больше любила одного из них, чем всех других
В их классе не было отстающих учеников
все любили математику
но был у них такой Миша, и он был немножко слоупок
Миша чуть медленнее прочих и думал, и решал
он был немного простоват,
но это только как будто
и почему-то неудивительно, что именно его
выбрала Маша, или он выбрал её
что-то в них было общее
какое-то окончательное понимание
человеческого
они оба как будто уже выросли в каком-то смысле
и как будто чувствовали, что этот смысл и есть самый главный смысл
человеческий
а с остальным можно не спешить
или вообще отложить навсегда
от них веяло необычным спокойствием
необычным для их школы
для их класса
где царили желание первенства,
желание блистать, суета и азарт
и нервная неровность
математически одарённых подростков
эти двое были другими
нельзя сказать, что они были определённо вместе
но точно можно было сказать,
что они – это Маша и Миша – пара
(как Матемаша и Программиша из задачек
для поступающих в математическую школу
четвероклассников)

однажды Сан Саныч вызвал к доске Мишу
и вот Миша думает, думает, решает, решает
и вдруг замечает, что во второй строчке у него ошибка
глупая какая-то – типа скобки раскрывая
перемножил и минус на минус написал минус
и вот Миша, крякнув,
замечает на доске эту ошибку
берёт тряпочку
(а тогда ещё мелом писали,
на тёмно-зелёной такой
пластиковой доске
с алюминиевыми бортиками)
берёт тряпочку и аккуратно стирает пять строчек
и треть класса говорят «аааэээооо...» —
это которые за ним переписывали

а прочие две трети класса,
которые сами решали, поднимают голову
и Сан-Саныч Сырков в этот момент говорит:

– Тяжко Сизифу катить на гору камень тяжёлый.
То-то веселье зато с горки за камнем бежать!

И тут Маша, архитектора дочка,
расхохоталась так, что все стали тоже смеяться
сразу за ней расхохотался сам Миша
потому что Маша рассмеялась не над ним, она рассмеялась ему
она подала ему знак – просто не могла
не подать
и Миша перегнулся пополам там, у доски, и хрюкал в свои покрытые мелом штаны
и все заржали, и ржали минуты три
а Маша смеялась так,
что у неё слёзы выступили на глазах
она лежала на парте и тряслась от хохота
и весь этот ландшафт, который видел Костя, сидевший наискосок,
весь этот ландшафт тряся
как в весёлом землетрясении
наконец, Маша вскочила, просмеялась
«простите, сан-саныч, я сейчас приду,
ох, я не могу остановиться»
и выскочила из класса
там она отсмеялась, но как только вошла обратно
началось прежнее веселье
они смеялись не так как обычно
а громко, неудержимо
иногда так хорошо посмеяться всласть
и Миша
и математик сам, Сырков,
олицетворение тонкой иронии,
бился и колотился руками и головой
об учительский стол
закатываясь смехом
ученики сползали под парты, в изнеможении валились друг на друга

Костя видит перед собой и сейчас
как Миша, от смеха чуть живой, машет тряпкой
полусухой, которую давно пора намочить и от которой идёт меловой дымок
а сам ладонь об ладонь,
и оглядывает озеро доски, в котором
отражается лампа дневного света
на поверхности которого Мишиным почерком катится под горку пример
и как Маша снова начинает беззвучно
сотрясаться от хохота
как прыгают на чёрном шлеме её волос
отблески ламп дневного света

и её подруга Полина рядом с ней тоже
и все, весь класс

и только Костя нет
ни тогда, ни сейчас
он не смеялся тогда и сейчас не смеётся
и никто этого не видел, не замечал
кругом стояла оргия хохота
оргазм хохота
и никто не видел, что Костя не смеялся
и теперь тоже не видит
никто

2

За ночь похолодало ещё сильнее, ветер гремел жестью на крыше, над асфальтом носило позёмку. Автобус до детского сада ушёл перед самым носом. Встали ждать на остановке. Аня разглядывала громоздкий серый дом напротив, где загорались новые и новые окна. Стеша рядом не шевелилась и ждала стоически, только раз пожаловалась, что шарф под носом и ртом становится мокрым от дыхания.

Автобус наконец подвалил, тяжёлый, набитый народом. Внутри пахло чужими выдохами. При виде Ани и Стеши старик лет девяноста принялся, трясаясь, подниматься с места, приглашая сесть и громогласно позоря окружающих:

– Как не стыдно! Женщина с ребёнком! Са-ади-итесь!

Аня поблагодарила его, но не села и Стешу не посадила, а поставила на приступку у окна. Стеша больше любила стоять, а не сидеть, потому что места им обычно уступали там, откуда Стеша не могла видеть мир в окне. Здесь, стиснутые толпой, они обычно и проезжали четыре длинные питерские остановки (через Мариинку и площадь Труда на Благовещенский мост, оттуда на Кадетскую линию). Но кондуктор протискивалась мимо туда-сюда и трубила Ане в ухо:

– Посадите ребёнка! Ребёнок упадет! Эй, женщину с ребёнком посадите!

Дама лет шестидесяти тоже вскочила, пробралась к Ане сквозь толпу, дёрнула её за рукав и зашипела:

– Садитесь! Садитесь, женщина! С ребёнком...

Женщина с ребёнком в их речи была как бы «терпящая бедствие», «несчастливая». Ане это не нравилось, потому что на время поездки она в их глазах становилась как бы той страдающей женщиной из блокады «с ребёнком», из тех времён, когда наличие ребёнка становилось фатальной слабостью, а порой – катастрофой. Там маячили картинки, на которых вертухаи вырывали детей из рук в колонне арестантов, а еврейские матери душили младенцев, чтобы те не выдали их вместе с остальными детьми. Аня в эти картинки не хотела. Она жила в другой, там, где обычная мама и обычный ребёнок просто едут по своим обычным делам. В автобусе же неизменно возникал этот напряжённый, драматический, мучительный контекст:

– Женщина!.. У вас ребёнок упадет!.. Посадите её, посадите скорей!..

Если Аня и Стеша садились, все успокаивались, кроме Стеши, потому что она больше не могла смотреть в окно. Возвратив ребёнку безопасность, пассажиры принимались её развлекать. Самые радушные пытались сунуть Стеше конфетку, которых ей было нельзя, другие принимались расспрашивать: как зовут, сколько лет, есть ли братья, сестрички, собачки и котики, ходит ли в садик, ой, да какая молодец – читает уже, вы занимаетесь, что ли. Аня понимала, что люди просто греют косточки о тёплого, живого дошкольника, пользуются Стешей, чтобы поднять себе настроение. В этом их вины опять-таки не было, и Ане снова становилось стыдно за свою неприязнь.

Но вот наконец автобус повернул на Средний проспект Васильевского острова («Васильевского тупого»), как неизменно предлагал Костя, а недавно придумал ещё «Васильевского хронического»), и Аня со Стешей вышли. Тёмными переулками, где ветер мотал фонари, где дома с башенками понемногу заносило сухим и синеватым порошком снега, затем в широкий двор. Два ряда жёлтых окон на первом и втором этаже – садик.

Ритуал утра шёл своим чередом.

– Каша «Дружба», – неизменно читала Аня меню завтрака, останавливаясь на ступеньках лестницы. Меню висело на стене. – Батон нарезной. Зерновой йогурт. Какао с молоком.

– Я люблю кашу «Дружба»! – неизменно радовалась Стеша.

Или: «я люблю манную кашу», «я люблю омлет». Не любила Стеша только один завтрак из десяти возможных, и в эти дни тактично промалчивала.

У шкафчиков Аня раздевала Стешу, расчёсывала густые Стешины волосы, ставила подпись в журнале. Потом Стеша поворачивалась к Ане, и на её ресницах нависали прозрачные, тяжёлые слезищи. Рот искривлялся. Стеша притягивала к себе Анин шарф и вытирала им глаза. Беззвучно поплавав пару минут, Стеша прощалась с мамой и уходила в группу завтракать. Аня шла домой работать.

Обычно домой она ходила пешком, но сегодня как-то уж чересчур закрутило, ветер швырял снег в лицо, обратный автобус подкатил полупустой. Аня сдалась и прыгнула в него. Совсем другое дело! Без Стеши никто не уступал Ане места, не видел в ней страдающую мать, не спрашивал, сколько Ане лет, какой у неё размер лифчика, и в каких журналах у неё публикации, и кто рецензент, и предохраняется ли она, и чем («а моя невестка, знаете, сделала ЭКО»). Никому не было дела до Ани, и прекрасно.

Аня огляделась. Мимо, покачиваясь, проплывали тёмные заснеженные фонари. Ритуал дня продолжался и без Стеши: сейчас Аня приедет домой, заварит кофе, сядет работать, сделает часть работы, пообедает, затем начнёт смеркаться, затем ещё часть работы и прогулка до детского сада, потом вечер во всех его заранее известных подробностях. Можно, например, напечь блинов, и тогда возникает свой ритуал. Если закрыть глаза, можно представить себе, как ощущается консистенция теста, как оно сопротивляется ложке при перемешивании, как затем его зачёрпываешь, с какой эмпирически точной скоростью оно льётся на сковороду. Далее, если продолжать думать в эту сторону, можно легко представить себе, как продолжается жизнь, как привычки и ритуалы снова и снова воспроизводятся, немного видоизменяясь (вставляешь челюсть, проглатываешь таблетку, видишь перед собой привычную сетку трещин на стене), и в конце концов завершаются смертью, но так и не обретают...

– Шапку забыли, девушка! – дама вскочила с соседнего сиденья, потрясая вязаной шапочкой в вытянутой руке, но девушка, которая забыла шапку, уже вышла из автобуса, двери закрылись, автобус поворачивал на набережную.

– Давайте, я положу в потеряшки, – кондуктор взяла у неё шапку и унесла в кабину к водителю.

Девушка забыла шапку; можно забыть даже кейс со всеми документами и устроить себе большой геморрой с их восстановлением; от того, что ритуалы сойдутся с такта, смысл не появится, а жизнь не перестанет воспроизводить заданные формы.

Но, может быть, в этом есть «что-то ещё». Вот, например, Бах – не Кристоф, о котором Аня пишет статью сейчас, а самый известный из Бахов, Иоганн Себастьян, кантор школы Святого Фомы в Лейпциге, человек, написавший несколько циклов церковной музыки, – он очевидно это «что-то» видел, стоял на этом, не мог иначе. В какие-то годы он писал по кантате в неделю, по маленькой одноактной опере, и разучивал её с разношёрстным коллективом музыкантов, и исполнял в церкви. Годовой церковный круг – колесо обозрения, гигантская шарманка, которая рассказывает одну и ту же священную историю, но каждый раз в новых деталях, каждый раз цепляя новые чувства, и в каждом прихожанине – чувства разные, тёмные, сложные (если он, конечно, слушает хоть сколько-нибудь внимательно, а не сплетничает в церкви, как это делало большинство). Кажется, что не под силу одному человеку делать столько работы, но у Баха была цель, он втайне надеялся, что после смерти такой музыкант, как он, встанет одесную Господа и будет продолжать крутить это необозримое колесо в вечности. Не странная ли награда за выполнение всех ритуалов – вечная вариативность и вечная повторяемость всё того же движения?

Но если оставить Баха и посмотреть на других любителей порядка, более близких Ане, – то тут вспоминается Анина университетская подруга Ира.

умная
и чрезвычайно, потрясающе красивая
очень правильная, строгая
круглая отличница
перед зачётами и экзаменами
все однокурсники просили конспекты у Иры
потрясающие были конспекты
безупречные, безукоризненные
и отвечала она всегда идеально, исчерпывающе
и всегда примерно себя вела

почти всегда
кроме опозданий

Ира всегда везде опаздывала
хочешь встретиться с Ирой в пять —
скажи ей прийти в четыре тридцать
и ещё Ира везде шапки забывала
каблуки всё время ломала,
проливала на себя кофе
однажды волосы сожгла плойкой
не выпавшись начала их завивать, и сожгла
спешила тоже куда-то, наверно
и из сумки у Иры всё так и сыпалось
воры вырывали у неё кошельки прямо из рук
ещё Ира падала на коленки и расшибалась
зато конспекты у неё были самые крутые,
отличным разборчивым почерком
и училась она на отлично

так вот, и смеялась Ира тоже клёво

ярко, громко и придурковато
смеялась она, только если дать ей хлебнуть вина
звонкий детский смех, дурацкий-дурацкий
щёки у Иры краснели, багровели, оранжевели
хлебнув вина, они с Аней, эти две скромницы, становились как шальные
были готовы пуститься на приключения
ходили по гранитным парапетам на шпильках
однажды лимузин тормознули
а как-то полезли на крышу, и Ира напоролась
на железный штырь
пришлось в больнице зашивать живот
но всё обошлось в итоге
наутро Ире бывало очень стыдно
она снова краснела – на этот раз
за своё поведение
ну полный коллапс! Как она могла!
Ира снова надевала пиджак, наносила на лицо неяркую, но плотную косметику
становилась строгой и правильной.
Иначе никак!

Они обе рано начали работать
но Аня работала на всяких случайных работах
и надеялась на научную карьеру
а Ира совершенно отбросила
всякое музыковедение
ей удалось устроиться в банк
и она быстро пошла в гору
попала в отдел, где требовался
самый дотошный и кропотливый труд
работала она под началом психопатичной и взбалмошной дамы
которая третировала Иру как могла
в банке был строгий дресс-код, опоздал больше, чем на пятнадцать минут – штраф
Ира опаздывала, она ничего не могла с собой поделать
и получала штрафы
забывала на работе шапки, ломала каблуки и всё такое прочее
такая уж она была – олицетворение порядка и беспорядка в одном лице
она рассказывала:
когда ей было два года, а её брату год,
их отдали в ясли
и вот они идут навстречу друг другу
из разных углов комнаты в яслях
потом в центре обнимаются и плачут
из яслей их забирали последними
мать часто была

ну а потом Ира вышла замуж
жених попался распёртый
финансовый аналитик – да не просто
а в десятке лучших финансовых аналитиков мира
у него была коллекция трусов от Calvin Klein
штук двести, что ли
и вот каждое утро
он становился перед зеркалом и *выбирал трусы*
несколько штук перепробует
потом только наденет и пойдёт
в общем, свадьба двух перфекционистов
должна была пройти как надо
а прошла она из рук вон плохо

во-первых, Ира на свадьбу опоздала

и не на каких-то там жалких полчаса
это же свадьба всё-таки, а не лекция
или встреча с подругами
нет, на свадьбу Ира опоздала часа на четыре,
не меньше
свидетельницей была Аня
и она знает, почему Ира опоздала на свадьбу
дело в том, что её психопатичная начальница
знала про свадьбу
и что Ира потом уедет в путешествие
и поэтому она за два дня до свадьбы дала Ире всю работу, которую никто, кроме неё,
не хотел делать
там надо было в специальной программе
всё свести, посчитать кучу цифр
и не ошибиться в них ни разу
и вот всё оставшееся до свадьбы время
Ира сидела и считала
пару раз она совершала ошибки,
и приходилось пересчитывать
программа тоже глючила, что-то в ней подвисало
ело цифры – Ира вводила их снова и снова
конечно, Ира две ночи не спала —
об этом и упоминать нечего
может, и три

и вот настал день свадьбы, и всё уже готово, пора выходить
но тут у Иры ломается каблук
на свадебных туфлях
Ира наступила на щель между досками
и каблук просто отделился от туфли
ну говно были туфли, что говорить
свадьба богатая, а туфли говно, так бывает
ну кто, в самом деле, будет
белые туфли для свадьбы покупать дорого
тем более что свадьба запланирована была
в кредит
ну и решили сэкономить
ну и, как выяснилось,
не оптимальное было решение
увидев, что каблук каплет, Ира, как была,
в свадебном платье, фате и туфлях,
легла в кровать и зарыдала
и вот представьте себе
четыреста родственников мужа ждут их
в самом дорогом ресторане города
а Ира лежит на кровати
вся в искусственном шелку и слезах
ну, Аня, конечно, взялась тут за дело с усердием
зачем и нужна подружка невесты,

если не для этого
она стала Иру утешать, гладить,
вытирать ей слёзы
отпаивать водой, потом вином
и постепенно довела её до того самого
ангельского хохотания
между приступами рыданий Ира хохотала
надела другие туфли (не белые)
причёску тоже пришлось восстанавливать
до идеальной
макияж аналогично, но это уже казалось
пустяками
к моменту появления невесты гости успели
перепиться и передрались
так что пьяная невеста не произвела
решительно никакого фурора
тем более что за правую руку её держала
свидетельница (Аня), а за левую – жених

невозможно вспомнить без содрогания
ну почему нельзя сказать жениху, уже почти мужу, что тебе плохо
почему надо держать перед ним лицо
а лица-то и нет
что это за лицо, если его надо каждый день
держат
намазывать кремом, пудрить
и, держа лицо, тысячу лет куда-то в маршрутке ехать
теряя каблуки и шапочки
напарываясь на железные штыри
какое там уж лицо, если всё надо скрыть, чтобы лучше показать
показать, чтобы скрыть
если всё вывернуто и каждый шаг даётся
с дикой болью

через месяц после свадьбы
Ира пригласила подруг в новую квартиру
ну да, она была огромная
и вся белая, как свадебные туфли
но не такая дешёвая, наоборот – очень дорогая
на Крестовском острове
кожаные кресла – белые
ковёр белый
и всё безупречное, без единого пятнышка,
будто тут и не живёт никто

а не было в этой квартире только одного
там не было штопора
поэтому пришлось вытаскивать пробку руками
Аня взялась это проделать и стала качать её

туда-сюда
как стоматолог расшатывает зуб,
который решил вырвать
и вдруг пробка как вылетит
а вино как брызнет
и пара шальных брызг долетела-таки до потолка
хотя он и был три с половиной метра
специально, чтобы вино не долетало, наверно

Ира стала вся белая, как этот потолок
и говорит:
он меня убьёт
тут Аня и прочие заметались
поставили стул на стол, потому что стремянки тоже не было
как и штопора
стали туда по очереди громоздиться
и друг друга держать
и применять к потолку
разные химические средства
но ничего не помогало
влажные салфетки не помогли
средство для мытья посуды – а, хуй там
ацетон для снятия лака ещё хуже растёр
Ира уже в голос рыдала

но тут Аню осенило: корректор, бя,
корректор для конспектов!
Белая такая жидкость, которая быстро твердеет
исправлять описки, опечатки и брызги вина
на белом потолке
квартиры лучшего финансового аналитика
в десятке мирового рейтинга
и вот Аня стоит и махонькой кисточкой
из корректора потолок белит аккуратненько
замазала все капли по одной
и пятно вокруг побелила
стало всё как раньше
Ира успокоилась
посидели ещё внизу под корректором
посмотрели на потолок – неа, незаметно!
Вот радость-то!
Вот счастье!
Вино выпили, ещё купили —
и дошли понемногу до того состояния
в котором можно было услышать Ирин смех
Ирин чудный смех
свободный, идиотический, младенческий

наверно, когда Ире было шесть месяцев

и её папаша ещё не покинул семью
(мать у неё была гиперответственная
а папаша – летун)
наверное, тогда она смеялась именно так
Аня представляла себе, как папа щекочет
маленькую Иру за пятки
и оба хохочут, как два Амадеуса
из фильма Милоша Формана
бессмысленным безоглядным смехом

очень скоро Ира и аналитик развелись
во-первых, Иру достали трусы от Calvin Klein
во-вторых, аналитик запрещал ей
сушить волосы после часа ночи
у неё были шикарные кудри почти до пояса
а приходила домой Ира поздно
потому что была трудоголиком
и никак не могла она раньше часа начать мыть волосы и потом их сушить
пока ототрёшь всё белое
пока двести трусов погладишь
и никак
и в результате Ира всё-таки сушила волосы
уже после часа ночи
и её финансовый звездоносец
в фирменных трусах
просыпался с бранью
а однажды не выдержал совсем
и попытался Иру ударить
но у неё в руке в этот момент был уже не фен
а стакан горячего молока из микроволновки
и она его вылила ему прямо в трусы
от Calvin Klein
он перестал соображать на минутку —
вверх или вниз пойдут акции
он визжал, а Ира смеялась
так вот они и развелись

потом Ира долго не могла смеяться
и теперь, возможно, ей не так просто
это делать
когда понимаешь, что смех не выход
наступает тупик
есть такие вещи как депрессия, например
тупик, из которого нужно долго и трудно
выбираться
или просто – жизнь
которая течёт, как песок сквозь пальцы
вечная, как солнце – а ты не вечен
они не виделись тысячу лет

Аня отдалилась от всех подруг
но и Ира тоже ни с кем из них не видится
все как-то отдалились

и вообще: что-то ведь было, обещало, брезжило
и вроде что-то сбылось – не то чтобы ничего
всё вроде бы не так уж плохо
откуда же это ощущение конца, тупика
почему кажется, что ничего больше не будет
кроме вечного повторения,
из которого никуда не выскочить
и можно ли вообще из этого выскочить
и если да – то куда
есть ли *что-то ещё, кроме всего этого*
и что с этим делать

3

В темноту за окном понемногу подливало жидкого света. Тающая, оплывающая картина была видна во дворе: серая слякоть, среднее между снегом и водой, серые ледяные дорожки и горсти песка на них, капли на ветках, редкий снежок. Сквозь сон Костя слышал, как втыкаются капли воды в жестяные карнизы. Создавался непрерывный ритм: стук и вибрация, треск и шлёпанье, эхо самого двора и эхо водосточных труб. Костя, с закрытыми глазами, под этот концерт видел асфальт, близко-близко, с серо-зеленоватыми пятнами и вкраплениями, как будто он поднёс этот асфальт к глазам.

Аня и Стеша ушли. Дома никого не было. Костя долго стоял, прячась за шторой, и наконец решил, что вынесет мусор и заодно посмотрит на снег. Костя любил снег с детства и, будучи ещё совсем мелким, бесконечно пытался вообразить плоскость, проведенную через каждые три произвольные снежинки.

Костя вышел с мешком и всё время, что шёл к помойке, через двор, а потом через улицу наискосок, ни о чём не думал. Это было лучшее занятие на свете. Думание ни о чём можно пить через трубочку, наслаждаясь, и это никогда не надоест.

Поднимаясь по лестнице, он вдруг вспомнил, что сегодня у него созвон с Олегом из Канады. Почти все Костины друзья свалили – кто в Канаду, кто в Штаты, кто в Лондон. Костя искренне не понимал, почему не валит он сам. (Так бабушка вынимала иногда тёмно-синюю пряжу, развешивала её на руках, разглядывала, как врач кардиограмму, и качала головой: куда всё девается, не понимаю.) Факт, что Костя в принципе хотел бы свалить, но ничего для этого не делал. Для конкретных действий нужен был план, задача, воля. У Кости не было задачи и плана, да и для воли надо жить в обыкновенном времени, в часах и днях. Разумеется, Костя всегда знал, который час, но был категорически против того, чтобы придавать этому определяющее значение.

Впрочем, не так уж важно, где живёшь. Они с Олегом много чего мутили вместе, в последние годы даже стали понемногу зарабатывать. Речь шла о моделях анализа рынка, основанных на big data. Иными словами – как обучить компьютер не просто торговать (это он умел давно), а самостоятельно менять стратегию, глядя на рынок. Костя, Олег и ещё один чувак, приятель Олега в Канаде, создали инструмент, который просматривал высказывания инвесторов в соцсетях, агрегировал их и затем собирал портфель из активов, по которым позитива было больше, одновременно сопоставляя тональность высказываний инвесторов с историческими данными. Деньги приходили эпизодически, и так же внезапно прекращался поток доходов. Костя не следил за том, что происходит, и сам менее всего интересовался какими бы то ни было рынками.

Иногда Костя ходил в баню, воображая себе, что сидит там с Олегом. Баня находилась в паре кварталов от них и была последним домом перед бескрайними просторами Адмиралтейских верфей, доков и мелкого моря. Баню держали хиппи, так что Костя туда ходил и с дудками. Олег был в Канаде, но сидел напротив. Иллюзия бывала настолько полной, что Олег мог даже попарить Костю веником. Они с Костей обсуждали рабочие вопросы, и потом по скайпу нередко выяснялось, что и вправду вопросы как будто обсуждены.

Но сейчас они встретились не в бане, а в зуме, и, когда попрощались, Костя из-за компьютера не ушёл, сидел перед погасшим экраном и перебирал, продумывал затронутые вопросы.

Была у него такая привычка: мысленно останавливаться на всём происходящем ещё раз, а лучше даже и несколько раз, а попутно вспоминать то, что происходило когда-то. И так живо он воображал себе прошедшее, будто и вправду там оказывался.

Теперь ему вспомнился Петергоф, каким он был в дни Костиной юности. Тот, тогдашний Петергоф был больше всего похож на разворот в старинной книге, или на медаль, или на фронтоны, а на фронтоны профили и формулы. Между сюжетами разворачивались идиллические пустоты – пустыри, на которых в лучах неяркого солнца могли пастись козы. Улицы были тоже пустоваты; мел крошился о зеленоватую, как воды прудов, доску; гладь Залива и обочины, на которых росла сурепка, были равно спокойны и бесстрастны. По вечерам, в безветрии, все развилки берёз казались кванторами всеобщности.

Тогда они и подружились с Олегом.
Но сильнее Олег на первом курсе дружил с Веро.
хотя дружба – не совсем то слово
для Веро нужно было выдумать что-то другое
на самом деле Веро вообще ни с кем
не мог сойтись
трудно определить, почему так
можно попытаться, но вряд ли получится

Бывают такие дети, которых даже
воспитательница
не может поставить ни с кем парой
ни к кому он не приклеивается
все отказываются стоять с ним, отдёргивают руку
и вроде не вредный этот ребёнок
и с виду симпатичный
не самый шаловливый
уж и с самыми раскрасавцами дружат
и стоят в парах
даже с тем, у кого сопли до полу
и он их ладонью вытирает
и с тем, кто всё время вертится и пинает всех
и с тем, кто непрерывно ноет
и только такой вот Веро остаётся один,
вокруг него никого
и даже если детишек чётное число
приходится уж воспитательнице самой брать эдакого Веро за одну руку
а того, кто от него шарахался, за другую руку, и стыдить.
Но стыдят воспитательницы лишь для виду
и, стоя за руку с этим ребёнком,
что-то такое чувствуют
и шёпотом говорят потом друг другу:
«дети что-то чувствуют»
и качают головами,
Бог весть что имея в виду.

Так вот и Веро ни с кем не мог сойтись

он был блестящ
он был своеобразен
он был потомственный математик из рода Веро

как были музыканты из рода Бахов:
только трудись, и место в небесном оркестре
у небесной доски с небесными формулами
тебе обеспечено
шутили: мол, не зря же теория Веро-ятностей
и по Веро это было видно настолько хорошо, что даже слишком хорошо
он был, кажется, уже там, у небесной доски, с самого начала
и трудился, конечно, а как же иначе
но при этом он был ужасно стрёмный чувак
ему было насрать абсолютно на всё и на всех
не потому что он был такой плохой
а как будто он едет в последнем вагоне
последнего поезда
который непрерывно едет под откос
и ему всё можно, вообще всё
понятно было: Веро не виноват в том, что он такой
высокомерие Веро, его нездешность
его стрёмность наплеватьство
отсутствие дисциплины
не его вина, не его заслуга, —
он просто феномен, не в смысле удивительности
хотя и в этом смысле тоже
а в смысле того, что – вот такой,
во всей целостности, и что ты тут поделаешь
феномен

и это было ужасно стрёмно,
непонятно почему – но стрёмно
Костя мысленно задавался вопросом:
может ли быть такой стрёмный чувак
насколько хорошим математиком
что-то было там уже чересчур
это прямо чувствовалось
но так трудно сформулировать эти вещи
на матмехе всегда много странных,
стрёмных ребят
но ни с кем не возникало такого чувства
как с Веро

поэтому никто с ним не мог сойтись
но вот Олег – тот сошёлся с ним, на свой лад, но сошёлся
он как будто увидел Веро как человека
на высокой вершине
и стал штурмовать эту вершину
он задирает Веро, провоцировал его, вызывал

на том языке, который Веро только и был
понятен

Он начал с того, что поспорил с Веро: какого цвета ободок на бокале, стоящем на полке
напротив них на кухне у Кости.

Было почти темно, и Веро утверждал,
что ободок ярко-синий,
а Каждан (такая у Олега была фамилия) —
что он бордовый.

Костя и сам не знал, но когда свет включили,
оказалось, что оба не правы.

тогда Олег предложил поспорить о количестве дырок в занавесках
но на этом простые споры закончились,

Веро быстро их прервал
так не годится, — сказал Веро задумчиво
когда количество дырок оказалось
ровно посередине

между числами, которые каждый из них
задумал

так не годится, мы спорим как какие-то лохи
это неинтересно, только время тратим,
интереснее другое

Веро была интересна сама суть спора
идея спора, которую подкинул ему Олег
Надо придумать метаспор, сказал Веро.
Спор о споре.

Спор над спором.

Тогда Олег одобрил идею спора о споре
и спросил Костю
не мог бы он сформулировать условия
подобного метаспора?

В вашем случае, — сказал Костя, — метаспор
мог бы быть таков:

«сможет ли один из вас придумать такой спор уровня N ,
проиграв в котором, он бы выиграл в споре уровня $N+1$ ».

Хорошо, хорошо, — потёр ладони Веро, —
отлично просто! —
и события были форсированы

в течение следующего года части этой формулы
споры этого метаспора
рассеиваясь в воздухе, создавали грозу
которая гремела на весь факультет
постепенно становилось ясно
что Веро и Каждан сами по себе
являются спором
который нужно только

правильно сформулировать,
но формулировка ускользает
и чем ближе формулировка к правильной,
тем опаснее становится спор

Например, в какой-то момент
Веро поспорил
что он в течение всей зимы
не наденет лыжи на ботинки
это был уровень N
а следующий уровень был – на день здоровья
прийти первым, пройдя всю
лыжную дистанцию
по лесу
десять километров
первым прийти
это было пике, это был цугцванг
нерешаемая вилка
но Веро вышел из положения с блеском
он снял ботинки и прикрепил лыжи
к босым ногам
а потом пробежал всю дистанцию босиком
все десять километров
и пришёл первым, это было невыносимо
хорошо, что температура была около ноля
так что Веро, конечно, отморозил ноги,
но в итоге без последствий
Костя помнит, как на финише Веро кудахтал
иногда Веро кудахтал и хлопал себя по штанам
закатив глаза куда-то внутрь
он так смеялся, как будто всех приглашал
разделить с собой смешное
в смехе Веро оттаивал
и делался нашенским парнем
смех у него был такой братский, как будто
смеялся он
по большей части не всяким непонятым
штукам-дрякам
а неприличным анекдотам
хотя их он тоже знал вполне достаточно

но всё это не имело большого значения
в свете того, что случилось потом с Веро

в ту же зиму Веро поспорил
что будет весь месяц таскать в портфеле кирпич
а Каждан поспорил
что тот из них, чей рюкзак окажется тяжелее,
будет ходить пешком из города

и вот с тех пор Костя
каждый день выглядывал из окна электрички
пытаясь углядеть Веро
который вышагивал по обочине
с портфелем, в котором был кирпич
от Петербурга до Петергофа
сорок километров по трассе
сорок километров обочин, ларьков
и странных людей
кривых деревьев, сонных долин
ноздреватого снега, неба
сорок километров, сорок и сорок – восемьдесят
восемьдесят разделить на пять
равняется четырнадцать
если принять, что восемь часов Веро учился,
выходит, что спал он только два часа
так оно и было
Веро спал два часа
учился восемь
остальное время он шёл туда и обратно
с кирпичом в портфеле

это была не математика
ещё не математика
это была пока всего лишь арифметика
Веро был как тот чувак из задачи
про человека, который вышел из пункта А
только он воспроизводил эту задачу
множественно
выходил из пункта А, выходил, выходил
и выходил
вопрос состоял в том
зачем Веро влез внутрь задачи
если он был блестящим математиком
и мог сам их не только решать,
но и придумывать
зачем ему были эти долгие невероятные часы
(пар перед глазами, небо,
шапка, надвинутая на лоб)
неужели это было чистое упрямство
какой природы было это хождение туда и сюда
с проглоченным кирпичом
и глазами, вывернутыми внутрь
Веро утверждал, что он в эти часы тоже
занимался
приходилось ему верить
потому что его результаты становились
всё более блестящими
удивительными

как в сказке о чёрной курице, про мальчика,
которому подарили семечко
чем больше Веро делал глупостей, тем умнее он становился
как будто эта дурацкая арифметика
имела непосредственное отношение
к математике

вся электричка искала глазами Веро
и находила каждый день
даже те, кто не знал ничего про спор
про матмех про кирпич
про Олега
всю зиму все находили его глазами
это была, конечно, полная победа
независимо от спора и метаспора
победа процесса
победить Веро было невозможно
и поэтому невозможно было с ним спорить
невозможно было с ним – ничего
вообще ничего
и Олег это, наверное, понимал, но всё же
не мог не попытаться
и так он пытался до последнего
ну или до предпоследнего
ну а Костя как всегда
смотрел на это со стороны
Костя вообще всегда смотрел на всё со стороны
а сам предпочитал, чтобы на него никто
не смотрел
ни со стороны, ни вообще
он за то и любил Аню,
что она любила и умела совсем не смотреть
на Костю
или смотреть на него искоса, когда он не видит
а прямо – только когда он спит
не видеть и не замечать то, *какой* он,
что он такое
говорят, большинство людей только и жаждут быть замеченными
только и хотят отражаться друг в друге
дружба, драка, любовь, любое взаимодействие
бешеные гляделки
Костя всегда избегал таких вещей
как только что-то подобное начиналось
Костя брал ластик
и аккуратно стирал себя отовсюду
только когда все отворачивались
он слегка проступал снова
готовый снова стереть себя
при малейшей опасности

но, сам того не замечая,
он любил этих двух чуваков
Веро и Каждана
он болел за то, чтобы никто из них не победил
их дружба была и его дружбой

а потом наступила весна
и в какой-то момент
Веро навсегда перешёл в разряд преданий

так случилось – неважно, что именно
факт, что теперь у них больше не было
никакого Веро
не было никаких озарений Веро
никакого высокомерия Веро
никаких перескоков с темы на тему
никаких сомнений, сложностей и мыслей
может ли быть настолько стрёмный чувак
настолько хорошим математиком

да, не может
нет, не может
и вообще – не может
не бывает
нет

ну и что?
Жизнь продолжалась
или время, там, шло
Олег стал больше бывать с Костей
у них были, конечно, совсем иные отношения
как раз такие, какие нужны были Косте
они никогда не смотрели друг на друга
никогда друг друга не вызывали
и в каком-то смысле Веро оставался, продолжался
он был между ними таким, каким они его
запомнили
их третьим невидимым другом

между прочим, Олег в какой-то момент тоже
застыл
и стал не слишком отличаться от Веро
потому что он уехал, и Костя
запомнил его таким, каким он был на момент отъезда
восемь лет назад (или уже девять?
Одиннадцать?)
да и Костя для Олега остался тем же
каким был когда-то

они, правда, видели друг друга на экране
но сквозь экран казались друг другу такими же, как были
между тем Олег немного переменялся
в Канаде он стал ходить в зал, бегать и всё такое
а Костя перестал выглядеть настолько юным
хотя по-прежнему казался моложе
и теперь у них были дети
и много чего ещё изменилось,
если рассказывать с точки зрения материи
но для них ничего не менялось
и в этом смысле Веро, с которым дела давным- давно обстояли совсем иначе,
нормально вписывался в их компанию
в их кампанию по устранению реальности

почему бы и не быть Веро – таким, каким они его запомнили
с его кудактаньем и мотанием головой, и с его издёвками
с его озарениями и перескоками с темы

на тему
и невозможными пари, и другими вещами
которые сквозь дымку времени кажутся
не такими резкими
не такими стрёмными
и, главное, то
как смеялся Веро,
будто от чего-то (от всего)
решительно отказываясь
со смехом

так какая разница, что я такое
«есть я или нет»
ничего не изменится, буду ли я в Канаде или там, где сейчас Веро
всё равно то, что на самом деле есть «я»,
единственно ценное, – это мои работы или то, что можно помнить
когда нет этого, то нет и меня,
даже если материя продолжает существовать
и, может быть, это лучше всего – избавиться
от здешних тревог, от вины перед всей материей
от вины, которая сопровождает
человека на всём его пути
и которую он тащит и копит, как мусор,
и нет места, где бы он мог избавиться
или во что-то новое переработать эту тяжесть

вот такая мысль, новая и тёмная,
вставала перед Костей
по мере того как близился день восьмого декабря,
день самоубийства его отца

4

Время подходило к десяти утра. На улице медленно рассветало. Дворник выскребал подворотню, и её своды усиливали лязг железной лопаты.

Когда-то Аня работала в книжном магазине, обязана была являться к девяти тридцати, а ещё раньше – в «Теремке», тогда к без пятнадцати семь. Теперь Аня могла работать лёжа в постели. Работа больше не требовала рано вставать. Иногда можно было и вовсе не вставать: проснулась, достала ноут и работай.

Сегодня Аня правила собственную статью о кантате Иоганна Себастьяна Баха «Гряди, Спаситель народов», написанной, между прочим, на первое воскресенье Адвента. (Между тем как наступило уже второе воскресенье Адвента, в которое в баховском Лейпциге никакой церковной музыки не исполнялось.) Хорал этой кантаты похож на шествие. Представьте себе короля и его вельмож, его двор, который ждёт его выхода, и вот царственная особа является из ворот под специальную музыку, как раз для того написанную. Адвент – время ожидания Иисуса. Хор именно это и делает – ожидает, но как будто уже и предчувствует, как придёт Небесный Царь, и музыка не то чтобы изображает, но уж точно напоминает нам торжественный вход Господа в Иерусалим: «Гряди, Спаситель народов, явленный сын Девы. Весь мир дивится тому, какое Рождество уготовал Тебе Бог».

Затем следует ария тенора, в которой он призывает Иисуса: «Приди, Иисус, приди к Своей Церкви», тоже как будто встречающая Его «у кафедры и алтаря». Аня видит эту сцену, она представляется как старая торжественная картина, например, Сурбарана: глубокое синее небо, церковь в красных и жёлтых, тёплых золотистых, охристых тонах.

Потом наступает ночь. Иисус поёт: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною».

Мерные, ритмичные постукивания. То ли негромкий стук в дверь, то ли стук сердца. Иисус вошёл в Церковь. Теперь он входит в наши сердца. Иисус готов жить в нашем сердце, хотя мы – лишь прах.

И последний краткий хор – полный радости.

Стеша давно проснулась и сидела за столом на деревянном высоком икеевском стуле, держа в правой руке маленького увесистого пупса, а в левой – лисичку. Вокруг было полутемно. Лисичка и пупс почти беззвучно беседовали.

– А ты знаешь, – неслышно говорила лисичка, – что сегодня второе воскресенье Адвента? И можно уже петь: «Зажглась вторая свеча».

– А что будет в конце Адвента? – молча спрашивал пупс у лисички.

– Разве ты не знаешь, будет Рождество, – отвечала лисичка.

– А что такое Рождество?

– Это когда родился маленький Иисус, – отвечала лисичка. – Как только он родился, его положили в ореховую скорлупку, накрыли лепестком розы и пустили по течению реки.

Стеша была не сильна в священной истории. Младенца Иисуса она путала с Моисеем и, наверное, с Дюймовочкой. Зато с адвент-календарём у Стешки был полный порядок: ровно семь окошек открыто, семь шоколадок съедено. Восьмая ждала завтрака. Вокруг тоже был полный порядок. Мама работала. Папа что-то делал в ванной. На книжных полках ровные ряды книг. На рейлинге хоровод винных бокалов. Ничего не менялось. Всё было знакомо Стеше как свои пять пальцев.

Из ванной вышел папа и поставил чайник. Это тоже было в порядке вещей и означало воскресный завтрак. Стеша встала рано и успела проголодаться. Но потом папа вдруг сделал кое-что совсем необычное – он сел прямо на пол. Так он никогда не делал. Стеша проследила, как папа садится на доски пола, скрещивает ноги и опирается подбородком на колени. Ей это не понравилось.

Аня отложила ноутбук и посмотрела на Костю.

– Мама, почисти мне зубы, – сказала Стеша, что-то почуяв.

– После завтрака почистим, – сказала Аня.

Она встала, заварила чай себе и Косте, достала из холодильника творог, размешала в нём ложку малинового варенья, почистила апельсин и села рядом с Костей на пол.

– А что это вы все на полу сидите? – тревожно спросила Стеша со стула.

– Просто так, – сказала Аня.

– Ну ладно, – свирепо сказала Стеша.

Она вдруг вспомнила, что вечером, накануне, мечтала совершенно перемениться и стать не Стешей и не кем-нибудь там, а Маленькой Разбойницей или Пеппи Длинныйчулок. Эти две героини были совершенно не похожи на Стешу. И Стеша это уловила. Ей захотелось стать смелой, дерзкой, злой и весёлой. Конечно, далеко это желание пока не простиралось. Но свирепо сказать «ну ладно» – на это Стеша оказалась способна уже сейчас. А когда сказала, то почувствовала, что может пойти и немножко дальше. Она почему-то знала, что именно сейчас для этого самое время.

– Что-то давно, – сказала Стеша самым дерзким своим голосом, – что-то давно я не заводила своего робота. У него что, села батарейка? Где мой робот?

– На антресолях, – Аня удивилась. Стеша никогда ничего не просила так настойчиво.

– Достаньте мне его, пожалуйста.

– После завтрака, может?

– Сейчас, – сказала Стеша и добавила: – Пожалуйста.

Разбойники тоже бывают вежливые, подумала она. Не говорить «пожалуйста» всё-таки нехорошо.

– Ладно.

Аня подставила стул и достала робота. Сдула с него пыль. Поставила на стол. Стеша схватила робота, передвинула рычажок на Оп и нажала на кнопку. Ничего не произошло.

– Он не работает, – сообщила Стеша, глядя на Костю, который всё сидел на полу, глядя в никуда. – Он сел. Где у нас свежие батарейки хранятся?

– Нет у нас свежих батареек, прости, – сказала Аня. – Мы можем днём сходить...

– Я сейчас схожу, – сказал Костя с трудом.

Он поднялся с пола, но тут вспомнил про невыпитый чай и аккуратно поставил его рядом с чайником. Потом задвинул за чайник, подальше от края стола – чтобы Стеша не опрокинула на себя. Такие вещи он делал на автомате. – Схожу, схожу, – Костя несколько раз кивнул, но не Ане и не Стеше, а никуда и никому. Затем повернулся и исчез в прихожей. Аня слышала, как он возится там, обуваясь и надевая пальто. Потом щёлкнул дверной замок – Костя ушёл.

– А мой дедушка от чего умер? – спросила Стеша, доедая творог.

Аня вздрогнула. Она понимала, что Стеша спрашивает про Аниного отчима, который действительно умер в Иркутске не так уж давно, когда Стеше было года полтора. Аня часто рассказывала Стеше разные истории про него: как Аня с мамой переехали в город и вдвоём жили в коммуналке и как отчим специально поселился в соседней комнате, как у него не было двух пальцев на правой руке, потому что их отчекрыжило на пилораме, и как он ради Ани самоотверженно крутился на аттракционах, а потом его мутило, и как он единственный раз в жизни видел маленькую Стешу, подбрасывал её на коленках и приговаривал «по кочкам, по кочкам».

Но штука была в том, что в то утро, когда Костя пошёл за батарейками, восьмого декабря, минуло ровно тридцать лет со дня самоубийства другого Стешиного дедушки, отца Кости. Стеша об этом не знала, они с Костей никогда при ней о нём не вспоминали.

– От болезни почек, – сказала Аня. – Он всю жизнь почти этим болел, ну и старенький стал, умер.

– Жалко дедушку, – сказала Стеша, делая специальный печальный, чуть завывательный голос, которым, как ей казалось, прилично говорить о смерти. – Хотя я его и не знала, но всё равно жалко. Теперь его тело лежит в земле, а душа его – в раю! – Стеша значительно указала на потолок.

В глубине души ей нравилось, что дедушка умер от старости. Это было правильно.

– Все мои бабушки живы, а дедушки умерли, – продолжала Стеша свой чуток заунывный речитатив, – и все они как один – в раю...

– Шоколадку-то будешь открывать? – не выдержала Аня.

– Буду, – отвлеклась Стеша, проводя канцелярским ножичком по картонке.

В восьмом окошечке оказался шоколадный домик. Аня пошла в ванную, вынула бельё из стиралки; прошла на кухню; заглянула в Костину чашку, где чай уже немного остыл и покрылся тоненькой плёнкой. Хотела повесить бельё, взяла в руки Костины сырые джинсы, передумала. Ничего нельзя было менять.

Да чего я трясусь-то, рассердилась на себя Аня, и вдруг её мысль разделилась на две одновременных: «теперь всё время будешь трястись» и «рано или поздно он это сделает». В отличие от Кости, Аня не привыкла к фокусам и кульбитам, которые проделывают мысли, когда

они раздваиваются, расслаиваются, кружатся, и от этой фуги у неё заболела голова. «Сколько может быть времени?» – продолжалась та первая мысль, а вторая одновременно заявляла: «Ну уж явно не десять тридцать и даже не одиннадцать», – а под ними упорный бас твердил: «Беги! Ищи! Спасай! Пока не поздно!»

Ей представилось, как Костя идёт по занесённой снегом набережной и как он вдруг, перемахнув через ограду, почти бесшумно бултыхается в канал. Его тут же затягивает под лёд. Никто ничего не замечает.

Ане отчаянно захотелось схватить пальто и бежать на улицу – но тут в скважине заворочался ключ, и Аня, немедленно успокоившись, пошла вешать бельё. Костя вошёл в кухню, не снимая пальто, встал на одно колено, открыл робота, сменил батарейки, и робот замигал синими и белыми огнями, бесшумно танцует на гладком вишнёвом полу, который Аня каждую весну смазывала специальным маслом. Движения у робота были мягкие, плавные, осторожные, они совсем не казались механическими. Скорее можно было подумать, что робот движется в толпе других невидимых танцоров или танцует с невидимой подружкой, стараясь никого не задеть. Синие и белые огоньки тоже выглядели уютными, мигали неярко.

Стеша слезла со стула и переставила робота поближе к себе. Сидя на полу, она повторяла за ним движения так же бесшумно, плавно и не размашисто. Она сцепила руки за головой и танцевала в основном локтями и коленками. Получалось поразительно похоже.

* * *

в тот день Аня вспомнила то,
что и так хорошо знала
как быстро можно принимать решения
как опасно близко на самом деле находятся
свобода и смерть
Аня отлично знала, как приходят в голову
решения о свободе
она ведь тоже когда-то была свободной,
даже слишком
вот и боялась теперь, что кто-то из них может принять решение о свободе и о смерти
Костя, например
в любую минуту это может произойти
вот сейчас ты ещё не думал, что свободен
и вдруг свобода разверзается где-нибудь
слева от тебя – прыгай!
И тут-то ты уже не думаешь,
у тебя нет времени думать
мысли отступают, делают паузу
свобода мгновенно всасывает тебя
она как чёрная дыра – и вот вам вопрос
о свободе воли
как только твоя собственная свободная воля начинает осуществляться
так сразу перестаёшь существовать ты сам
ты превращаешься в действие
просто оказываешься там

не замечая как

Стеши тогда ещё не было
Костя и Аня поехали автостопом в Украину
тогда это было ещё возможно
беззаботное время
лето выдалось жаркое
Костя и Аня скитались по южным,
приморским городкам
днём ели и спали
к вечеру выходили гулять
бродили по еврейским кладбищам
Костя любил в каждом городе
посещать кладбища
и читать надписи на надгробиях
в этом городе, например, они видели
надгробие еврейских супругов
с фамилией Ярусский и Яруская
они пили дешёвое местное вино
любовались розами в садах и палисадниках
почти не тратили денег
почти ни о чём не говорили
не считали дней и часов
им было клёво, просто здорово
лето было удивительно тихое
безмолвное
им было ничего не нужно —
в рюкзаках полупусто, шаги легки
они находились в равновесии
в покое, и, кажется, были совершенно свободны
но настоящая свобода подстерегала каждого из них за углом

в тот день они сидели на карусели,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.